

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Красиво жить не запретишь

«Научная книга»

1999

Серова М. С.

Красиво жить не запретишь / М. С. Серова — «Научная книга», 1999 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

Вот и все. Наркотики найдены, наркокурьер, похоже, действительно не знал, что везет, а был просто слепым орудием своих родственничков. Частный сыщик Татьяна Иванова ехала на поезде и радовалась быстрому и успешному окончанию операции. Завтра по прибытии на вокзал она передаст курьера кому следует и ее миссия будет завершена. А пока можно отдохнуть и расслабиться. Благо и компания есть подходящая. Но слишком рано Татьяна расслабилась...

© Серова М. С., 1999

© Научная книга, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Марина СЕРОВА

КРАСИВО ЖИТЬ НЕ ЗАПРЕТИШЬ

Глава 1

Свернув на боковую улочку, я притормозила у ближайшего ларька. Вышла из машины и, доставая из сумочки бумажник, думала о том, какие сигареты могу сегодня себе позволить. Работы у меня не было уже месяц, а ремонт квартиры скушал практически все сбережения. Я все могу простить нашему правительству, но бешеные цены на сигареты – никогда. Вот так. Я купила блок «Петра I», бросила его на заднее сиденье своей «девятки».

Бормотало радио. Я села за руль и выключила приемник к чертям собачьим. Все. Хватит. Быт заел, и душа требует праздника. Закачусь сегодня к Стасу, другу моему еще по школе, благо суббота – он наверняка дома. Поговорим. Кофе попьем или еще чего. Только, пожалуй, нужно заехать домой и проверить автоответчик. Авось кому-нибудь и взбрело в голову воспользоваться услугами частного детектива.

Приехав домой, машину я оставила у подъезда, бензину всего ничего – до стоянки точно не хватит. Ладно, буду заново привыкать к услугам общественного транспорта. Я поднялась к себе в квартиру, не раздеваясь, прошла к телефону и включила кассету автоответчика, борясь с искушением скинуть плащик и упасть на диван. Или даже не скидывая плащика. Устала. Вот интересно – без работы устаю даже больше.

Мои размышления прервал знакомый голос: «Татьяна Александровна, жаль, что не застал вас дома. Благушин вас беспокоит, Вадим Павлович. Сегодня до вечера обязательно постарайтесь зайти ко мне на работу. Вы мне нужны. Всего доброго».

Благушин? Очень хорошо. Замечательно. Я нужна известному на весь наш Тарасов меценату? Ради бога. Хотите сегодня, так сегодня я к вам, Вадим Павлович, и загляну. Сообщений больше не было. Я прошла на кухню, закурила.

Извини, Стас, друг мой, сегодня, видно, не судьба. Подождем до лучших времен. Каковые скоро наступят. Точно. Благушина я знаю уже около двух лет. Мужик толковый. В прошлом художник, но лет десять назад начал заниматься коммерцией, и – что удивительно – не прогорел. Сейчас он один из самых крутых бизнесменов города. Несколько раз мы общались, то я ему помогала, то он мне. Он мне безвозмездно (меценат как-никак), а я драла с него бабки по полной программе. Надеюсь, в этот раз будет также. Хорошо, черт возьми! Вот только кофе сейчас выпью и пойду. Я поставила на плиту джезvu и села у окна.

Сегодня утром выпал первый снег. Я проснулась довольно рано – в половине седьмого, – а он был уже весь истоптан. Чертовы собачники. Пустили своих питомцев гадить во двор, и никакого тебе первого снега. Одни, простите, какашки.

Подошла к зеркалу. Не пойму до сих пор – то ли Благушин пытается ухаживать за мной, то ли у него такая манера разговора? Постоянно про всякие разности намекает, а никуда не пригласит. Я посмотрела на себя в зеркало. Золотистые волосы до плеч просто расчесать – и не надо никакой прически. И глаза у меня красивые, зеленые, хотя и немного припухшие – бездельничаю весь месяц, вчера целую ночь ужастики по телевизору смотрела, но нет, все-таки я замечательная.

Я поднялась и пошла пить кофе.

* * *

Фонд «Художники России», возглавляемый Благушиным, располагался совсем недалеко от моего дома – минут десять ходьбы. Я надела джинсы, накинула джинсовую куртку и вышла из дома.

Снег уже начинал таять. Выглянуло солнце, и мне показалось, что сейчас не поздняя осень, а самая настоящая весна. Хорошо. Я даже пошла помедленнее. У здания фонда стоял благушинский «Мерседес». Я посмотрела на часы: молодец мужик, целыми днями руководит. Настоящий делец.

Поднялась на второй этаж. Боже ж мой! Какая у Вадима Павловича секретуточка! Новая. Новехонькая. Ну, от силы лет шестнадцать-семнадцать. Крашенная-перекрашенная, губешки на пол-лица. Точно из тех, кому продавщицы спиртные напитки неохотно отпускают, про возраст спрашивают. Принимаю вид деловой женщины, которая только что вернулась из важной поездки в отдаленную губернию на своем походном джипе.

– Вам назначено? – спрашивает. Царицей глядит. И когда научилась только?

– Назначено, – говорю. Чего-чего, а порядочных знакомств у нас хватает. Кое-куда можем и без специального разрешения входить. Так-то.

Захожу в кабинет.

Благушин разговаривает по телефону и что-то записывает в книжечку. Увидев меня, кивает. Я сажусь в кресло за столом напротив него.

– ...Я перезвоню, Владимир Петрович, посетитель у меня.

Он положил трубку, вышел из-за стола, поцеловал мне руку.

– Здравствуйте, Татьяна Александровна.

– Здравствуйте, Вадим Павлович. Как я поняла, у вас ко мне дело?..

– Правильно поняли.

Он вернулся за стол, отодвинул от себя стопку бумаг, телефон. Я посмотрела на него. Мы не виделись около полугода. Благушин отпустил благообразную бородку и теперь выглядел немного старше своих сорока с чем-то лет. Впрочем, неплохо выглядел.

– Дело в том, Татьяна Александровна, что завтра из Киева отправляется пассажирский поезд. Через два дня он будет у нас в городе. Два вагона в нем занимают деятели искусств Украины. Фонд, который я возглавляю, организует конференции по искусству. Это будет уже третья конференция по счету. Или не будет.

– Почему? – спросила я.

– Как мне сообщили из... неважно из каких источников, после тех двух визитов украинцев цены на наркотики в нашем Тарасове резко падали...

– Они привозили большую партию дури?

– Скорее всего, именно они и привозили. Творческие личности: художники, скульпторы и так далее, черт бы их... Остальные пассажирские вагоны на таможне шмонали. Менты, собаки, ну, как обычно. А попробуй ментов в те два вагона пусти. Культурная общественность вой подымет. Все-таки заслуженные люди. Таланты. А тут такие подозрения. Международным скандалом пахнет. Да и искали несколько раз тихонько, но безрезультатно. Не находили ничего. Так что, я думаю, нужно пощупать изнутри.

– Ну, почти поняла. Итак, мое задание...

– Ваше задание: завтра утром срочно вылететь в Киев, под видом журналистки всю дорогу находиться в вагонах вместе с участниками конференции. Место для вас подготовлено. Все билеты и другие расходы оплачены. На платформе Тарасовского вокзала вас встретят, и вы просто тихонько укажете на нужного нам человека. Как его вычислить – ваша работа.

– Понятно, – сказала я.

Чего ж не понять? Работа не пыльная. Бабки хорошие. Да еще и за границу прокачусь. Украина же у нас теперь суверенное государство.

– Вы согласны, Татьяна Александровна? – озабоченно спросил Благушин.

– Согласна, Вадим Павлович, согласна.

– Ну вот и прекрасно. Помогите мне, пожалуйста. Оплата по выполнению задания. Такса та же, я надеюсь?

– Двести баксов в день.

– Плюс премия, – он улыбнулся.

– Плюс премия, – я ответила тем же.

Благушин открыл ящик и начал рыться в бумагах.

– Вот ваши билеты, удостоверение прессы, направление от редакции газеты на задание, – он помедлил и посмотрел на меня, потом вздохнул. – И деньги на расходы.

Я закурила (Благушин поморщился – он был некурящим) и стала рассматривать документы. Деньги я сразу положила в сумочку. Там было что-то около тысячи рублей. Неплохо. Удостоверение: Иванова Татьяна Александровна. Газета «Вечерний Тарасов». Корреспондент. Направление. Так, понятно.

– Ваш самолет завтра утром. – Благушин несильно хлопнул ладонями по крышке стола.

– До свидания, Вадим Павлович, – я встала.

– До свидания.

Когда я подходила к двери, он меня окликнул:

– Вы еще не замужем, Татьяна Александровна?

Я обернулась. Он, улыбаясь, смотрел на меня. Я покачала головой и вышла. Ну вот опять. Пойди пойми его. Странный мужик. Хотя и интересный.

* * *

Утром следующего дня я собрала в рюкзак все необходимое. Подумала, что еще взять. Мои гадальные кости я завязала в мешочек и сунула на дно рюкзака. Ну, кажется, все. Я отогнала машину на стоянку и через час уже была в аэропорту.

Самолет на Киев отправлялся в одиннадцать пятнадцать, следовательно, до отлета в моем распоряжении было полчаса. Только здесь я вспомнила, что еще не завтракала. Я поднялась в привокзальный ресторан. Вот теперь можно прилично поесть, да и заказать хорошие сигареты.

Народу за столиками сидело немного. Недалеко от меня пожилая пара, занятая бутербродами и минеральной водой, в противоположном углу – мама с дочкой. Еще несколько человек, торопливо перекусывающих за соседними столиками, – и все. Хотелось курить, но я решила подождать заказанные мною «Мальборо». Ждать пришлось недолго – ресторан полупустой, и официант с подносом явился буквально через пять минут. Я закурила, отхлебнула кофе, отложила сигарету и принялась за свои сосиски. Поесть стоило. Работа у меня нервная. Кто знает, может быть, в последний раз откусываю. Ладно, пожую – увидим. Когда я закончила завтрак, времени до отлета оставалось впрытик, несколько минут. Вот оно, чревоугодие-то!

Почти бегом я кинулась на посадку, трап уже подогнали.

– Девушка, ай, девушка, подожди!

Я подумала: может, выронила что. Оборачиваюсь – цыганка. Старая такая. Ну, вот, еще не хватало. Увидев, что я остановилась, она выпростала из-под цветных шалей руку и схватила меня за куртку. Я вырвалась. Цыганка сразу отступила на шаг.

– Ай, не надо, девушка. Лучше послушай – погадаю, – посмотрела на меня и затараторила дальше: – Ох, неблизкий тебе путь, тяжелый тебе путь. И людей недобрых много. А главное, я тебе скажу...

Она страшно нахмурила брови и покачала головой.

Ну как справиться с подобной бедой, я знала – просто полезла в карман и сунула в руку гадалке полтинник. Улыбнулась она, и брови вернулись в обычное свое положение, и морщины даже разгладились.

– А главное – хорошо все кончится, и все опасности стороной обойдут. А дай еще, много хорошего скажу.

– Хватит тебе. – Я посмотрела на часы, махнула рукой и побежала.

Хорошего я и сама себе много чего наговорить сумею. Что трудно будет, никто и не сомневается, а если в счастливый конец не верить, то и ехать незачем. Волков, как гласит народная мудрость, бояться – в лес не ходить. А за границу ездить – и подавно. Там, наверное, звери и пострашнее волков обитают.

Я вспомнила про свои гадальные кости. Пожалуй, стоит у них спросить, что знаменуют собой подобные цыганки. Погадаю в самолете. Удивительно, но я проспала весь полет. Не то, что погадать, оглядеться толком не успела, упала в кресло – и все. Усталость, наверное, и перемена жизненного жребия сказались. Шутка ли – месяц без работы.

* * *

Вышла я из самолета в аэропорту «Борисполь». До центра Киева, хоть путь и неблизкий, доехала быстро и с удовольствием – дорога прекрасная, такси летело во весь опор.

Чтобы освоиться в чужом городе, я решила для начала немного расслабиться. В смысле попить где-нибудь кофе. Слева от меня было небольшое кафе в полуподвальном помещении. Не имею ничего против. Я вошла и села за первый попавшийся столик. Самое время выпить кофе и, пожалуй, закурить.

Когда принесли мой заказ, я подумала, что раз уж мне не удалось погадать в самолете, то, наверное, стоит попробовать здесь. Я достала из мешочка кости. Надо сказать, что я пользуюсь не совсем обычными костями: гадаю тремя двенадцатисторонними костями. На гранях первой нанесены числа от одного до двенадцати, второй – от тринадцати до двадцати четырех, третьей – от двадцати пяти до тридцати шести. Я бросила кости на столик.

14+31+5.

Так-так. Когда-то я приобрела книгу Федосеева «Числа и судьбы», где даны разгадки подобных числовых комбинаций. Книжечка довольно увесистая, двухтомная, но я умудрилась ее выучить почти наизусть – память у меня феноменальная. Ну, так что значат выпавшие числа?

Я нахмурилась, припоминая. Вот: «Рассчитывайте больше на себя. Не все люди настроены по отношению к вам благожелательно». Очень ценное замечание. Хотя все зависит от ситуации. И что-то мне подсказывает, что такая ситуация скоро возникнет.

* * *

На Киевском железнодорожном вокзале я была в пять часов. На куртку себе я прикрепила карточку «Вечерний Тарасов» Татьяна Иванова». Минут через десять ко мне подошел молодой человек, довольно высокий, симпатичный, в очках с затемненными стеклами.

– Нубин Михаил Георгиевич, – представился он, – газета «Киевские ведомости». Вы, как я понимаю, из Тарасова?

– Из Тарасова, – сказала я, указывая на карточку, – «Вечерний Тарасов».

– Ну, здравствуйте, коллега. Как долетели?

– Ничего, спасибо.

– Пойдемте я провожу вас до поезда. Вы будете работать со мной, – он усмехнулся, – вы же, кажется, новичок в журналистике?

– Вообще-то да, – сказала я осторожно, – работаю недавно.

Он рассмеялся и посмотрел на меня.

– Вадим Павлович звонил мне, – сказал он просто, – просил помочь вам, если понадобится. Оказать физическую помощь. Так что можете рассчитывать...

Странно, ох странно. Я-то почему об этом не знаю? Хорошо было бы еще раз бросить кости. Не есть ли это та самая ситуация, о которой они меня предупреждали? Нужно быть осторожнее.

– Какая же может быть физическая помощь, Михаил Георгиевич, в нашем-то деле? – сказала я. – Интервью я брать уже научилась.

Нубин вновь внимательно посмотрел на меня.

– Пойдемте к поезду, – произнес он.

Я пошла. Началась посадка. Нубин уже зашел в вагон, а я стояла на перроне, рассматривая толпу галдящих художников. Зрелище было, надо сказать, довольно необычное: седовласые мужи болтали, как школьники, громко хохотали. Особенно обращал на себя внимание веселый мужчина с длинной гривой пегих волос в кожаной куртке, доставшейся ему, наверное, от деда-чекиста. Разговаривал он громче всех и постоянно порывался затянуть песню. Впрочем, подобное бесшабашное настроение было у многих. Наверняка большинство из деятелей искусств уже здорово навеселе. «Если закрыть глаза, – подумала я, – участников конференции легко можно спутать с ватагой студентов, которых везут на картошку».

Наконец посадка закончилась. Я вошла в вагон последней. С трудом пробившись к своему купе – оно у нас с Нубиным было, оказывается, одно на двоих, – я начала устраиваться. Затем я вышла в коридор и встала у окна. Вокруг царил настоящий бардак. Поезд еще не тронулся, а художники уже бегали взад-вперед по вагону с какими-то стаканами, бутылками; во всех купе доставали из дорожных сумок домашнюю снедь, шелестели оберточной бумагой, смеялись, чавкали и булькали. В таком ералаше не только наркотики, слонов стадами провозить можно – никто не заметит. Я устала стоять и направилась в свое купе.

Когда я вошла, оказалось, что мне и сесть-то негде. Кроме Нубина, в купе находились еще два человека: длинноволосый весельчак, которого я видела на перроне, и толстый важный дядя в коричневом костюме и роговых очках, очень похожий на директора провинциальной средней школы. На столике среди вареных яиц, сосисок и колбасы прочно утвердился едва початая бутылка водки. Трапеза только начиналась. При моем появлении все трое поднялись.

– Дима, – протянул мне руку длинноволосый художник.

– Здравствуйте, Дима, – немного помедлив, поздоровалась я, – а меня Таней зовут.

Вот здорово, мужик мне в отцы годится, а все туда же – «Дима».

– Анатолий Борисович, – поклонился «директор школы».

Он оказался вдвое ниже меня.

– Таня.

– Таня – тоже представитель средств массовой информации. Газета «Вечерний Тарасов», – положив мне руку на плечо, произнес Нубин. – Мы тут уже немного познакомились, – сказал он, обращаясь ко мне. – Дима – скульптор, кроме того, еще и поэт.

Дима галантно шаркнул ножкой.

– Анатолий Борисович, – продолжал Нубин, – известный на Украине художник-портретист.

Анатолий Борисович поклонился.

– Очень приятно, – сказала я, – давайте мы наконец присядем, а то неудобно в одном купе вчетвером стоять.

– Вот и присядьте, отдохните, выпейте, – надевая пиджак, сказал Нубин, – а я пойду зарплату свою отрабатывать.

– К шефу, что ли, Михаил? – спросил Дима.

– К нему, к нему. – Нубин застегнул верхнюю пуговицу на рубашке и поправил галстук. – Работа, сами понимаете, – сказал он напоследок и вышел.

– К какому шефу? – спросила я.

– Да к Никуленко Григорию Львовичу, – ответил мне Анатолий Борисович, – председателю нашего Союза художников.

– Интервьюировать, – выговорил Дима и хлопнул стаканчик водки.

Тут я вспомнила о своей легенде и начала забрасывать собеседников наобум придуманными вопросами: где родились? в какой школе учились? что хотите своим творчеством выразить? При этом я делала очень глубокомысленное лицо и рисовала в блокноте каракули. Очевидно, талант журналиста дремал где-то глубоко во мне и показался из подсознания только теперь.

Я чисто механически задавала вопросы, но думала при этом совсем о другом. Если Благушин действительно посвятил Нубина в суть дела, то почему ничего не сказал мне об этом при встрече? И потом, Благушин ведь знает, что обычно я работаю одна. Тем более в таком случае, как сейчас. Ведь никакого насилия в общем-то не предвидится, моя задача – элементарная слежка. И ни в каких телохранителях я не нуждаюсь.

Ай-яй-яй, Танечка, а ведь дело-то нечисто. Нужно позвонить Благушину. Только откуда телефон в поезде? Разве что мобильный.

– Ребята, – задала я очередной вопрос, – а телефон здесь где-нибудь раздобыть можно? Художники переглянулись.

– У шефа если только, – сказал Дима и снова выпил. – А зачем тебе?

– А «Скорую помощь» мы как вызывать будем? Вдруг какой-нибудь скульптор преклонных лет выпьет слишком много водки и у него повысится давление.

Дима подавился куском сосиски, замахал руками, прокашлялся и вдруг оглушил меня взрывом хохота. Засмеялся и Анатолий Борисович. А я-то думала – Дима смутится, станет уверять, что он еще совсем не развалина, а даже напротив, ого-го еще, пошумит. Молодец!

– Постой, – поднял вдруг руку известный всей Украине художник-портретист, – у Панфилова телефон тоже вроде был. В девятом купе. Хотите, Таня, я принесу?

– Да нет, что вы, Анатолий Борисович, я сама сбегаю.

А наверное, зря я отказалась. Не каждый день ко мне такие знаменитости в прислужники напрашиваются.

– Через десять минут приду, – сказала я и вышла.

За окнами уже смеркалось, в коридоре включили лампы. Все купе были закрыты, и почти за каждой дверью слышалось характерное застольное гуденье.

Я постучала в девятое купе. Открыли мне сразу. Усатый здоровяк с покрасневшим лицом стоял в проходе, держась обеими руками за верхние полки.

– Проходите, дамочка, проходите, – расплылся он в улыбке, – вы ведь журналистка, верно?

Насколько я заметила, женщин среди участников конференции было очень немного. И все они, как на подбор, – дородные, представительные тети, уже отпраздновавшие свой полувековой юбилей. Так что единственной достойной внимания женщиной была я. Кажется, это начинало меня тяготить.

– Ну, проходите, мы же вас приглашаем, – продолжал улыбаться усач.

Проходить было некуда. Чудовищные тела его заполняли собой две трети купе. Я отступила на шаг.

– Да, собственно, я на минуточку. Мне нужен господин Панфилов, – сказала я.

За спиной этого мастодонта кто-то засмеялся. Кто именно – разглядеть не представлялось никакой возможности.

– Позвольте представиться. Панфилов Константин Петрович, – красномордый здоровяк попытался раскланяться, но чуть не упал, здорово качнувшись в мою сторону.

Меня обдало винными парами. Ай да художники, ай да гарны хлопцы! Наверное, не в украинских традициях обходиться в поездке без спиртного.

– Меня Таней зовут. Я слышала, у вас есть телефон. Не одолжите минут на пять?

– С величайшим моим удовольствием одолжил бы! Но, к сожалению, никак это невозможно. Нету-с телефончика. То ли выронил я его, то ли на вокзале кто вытащил... Да вы все-таки пройдите, выпейте с нами.

Так! Еще лучше. Теперь только к этому председателю обратиться можно. Но там Нубин. Интервьюирует. Пойдите, если он подсадная утка, то никакие интервью ему не нужны. Разве что так, для проформы. А он уже там около часа сидит. Или не там? Только сейчас я заметила, что господин Панфилов свою тираду еще не закончил.

– А ежели телефончик у меня не поперли бы, так завсегда пожалуйста. Не жалко. Может, зайдете все-таки?

– Нет, спасибо, – я быстро выскочила из купе, захлопнув дверь.

И оторопела. Прямо передо мной стоял Нубин.

– В гости уже ходите, Таня? – спросил он с улыбкой.

Я кивнула. За его спиной стоял невысокий мужчина средних лет с сановной осанкой и тусклыми рыбьими глазами. Про таких говорят – представительный.

– Познакомьтесь, Таня, – Нубин взял меня под руку, – Никуленко Григорий Львович, председатель Киевского союза художников.

– Очень приятно, – сказала я.

Председатель слегка наклонил голову.

– Ну ладно. – Нубин отпустил меня и взял под руку Григория Львовича. – Мужики идут курить, а вы, Таня, идите в купе, я скоро буду.

– Хорошо, – сказала я в недоумении.

Нубин же отлично знает, что я курю, он на вокзале видел. Не хочет, чтобы я присутствовала при их разговоре?

Тут я вспомнила о том, что у этого председателя есть телефон, остановилась, посмотрела им вслед – они направлялись в тамбур – и подумала о том, что странно это все. Такое ощущение, что игра идет полным ходом, а меня в нее не приняли. Пожалуй, стоит погадать.

Они подошли к двери в тамбур. Нубин пропустил Никуленко вперед и на миг оглянулся. В коридоре было темновато, и его взгляда я не заметила. Ладно.

Я открыла дверь в свое купе и вошла. На этот раз присутствовавшие там мужчины не поднялись. Дима, облокотившись на стол, уставился в окно. Анатолий Борисович, свернувшись калачиком, спал на моем месте.

Дима обернулся:

– А-а, как хорошо, что вы пришли, – улыбнулся он. – Толя совсем не умеет пить. Распили бутылочку – он и сломался.

Я села и попыталась расслабиться. Дима достал откуда-то из-за спины бутылку водки и разлил по стаканам:

– Мы так и не выпили за знакомство.

«Пожалуй, выпить сейчас стоит», – подумала я.

Я опрокинула стаканчик. Дима только ополовинил его. В ответ на мой взгляд он улыбнулся и пожал плечами:

– Вы же сами говорили – престарелым скульпторам пить вредно. Так вы достали телефон?

– Нет, Дима, – покачала я головой.

Вдруг я почувствовала, что смертельно устала. Дима налил еще, мы выпили. Я полезла в рюкзак, достала оттуда кости, освободила на столе пространство и бросила их.

13+30+7

Это... это... А, вот: «Не все люди желают вам добра, но некоторым довериться можно». Вот так. Коротко и ясно.

– Что это вы, Таня, гадаете? – удивленно спросил Дима, который с интересом наблюдал за моими манипуляциями с костями.

– Балуюсь.

Я выпила еще водки. На месте, где я сидела, похрапывал Анатолий Борисович. Усталость у меня почти прошла, появилось желание похулиганить.

– Вы женаты, Дима? – спросила я, откинувшись назад и положив ногу на ногу.

– Был. Аж четыре раза. Так что я в своем роде ветеран.

К моему удивлению, он нисколько не смутился. Ладно, запускаем тяжелую артиллерию.

– Вы извините, Дима, – сказала я, потянувшись, – я устала, в самолете сегодня умаялась. Подвиньтесь немного к окошку, я прилягу. А то Анатолий Борисович мое место занял.

– Пожалуйста, пожалуйста.

Дима заулыбался и сделал вид, будто он отодвинулся. Дела! Мужiku, наверное, за пятьдесят уже, а ведет себя как двадцатилетний парень.

– Извините еще раз, Дима, – сказала я, вставая, – отвернитесь на минуту, вон, в окно посмотрите. Я разденусь. Не привыкла спать в дорожной одежде.

Дима послушно отвернулся к окну. Еще бы. Давным-давно стемнело, и в стекле превосходно отражалось все, что происходит в купе. Я медленно разделась до нижнего белья и, закутавшись в простыню, легла.

Дима повернулся ко мне.

– Ди-има, – томным голосом протянула я, – не уходите, пока я не усну. Сядьте сюда, поближе, расскажите что-нибудь.

Я закинула руки за голову и закрыла глаза. Интересно, что он сейчас мне расскажет?

Однако Дима ничего рассказывать не стал. Подождав примерно минуту, я открыла глаза. То, что я увидела, меня, честно говоря, удивило. Приятно удивило.

Дима стоял возле меня без каких-либо признаков одежды, и – я опустила глаза ниже – так сказать, в полной боевой готовности. Он как-то виновато улыбнулся, пожал плечами и молча нырнул ко мне под простыню.

Я не стала его прогонять.

Примерно через два часа я потянулась к своей куртке за сигаретами. Дима спал. Анатолий Борисович – тоже; странно, что мы его не разбудили.

Я уже чиркнула зажигалкой, как вдруг вспомнила, что в купе, кажется, не курят. Я вздохнула – теперь придется одеваться и идти в тамбур. Димины часы на столике показывали половину второго ночи. Я натянула джинсы и маечку. Ничего – покурим налегке.

Уже выходя в коридор, я вспомнила, что Нубин так и не появился. Что-то долго они курят с председателем. Я открыла дверь в тамбур. Черт! Вот чего не ожидала, того не ожидала. Нубин лежал, скорчившись, на полу. Стены и пол тамбура забрызганы кровью. Дверца наружу пробита пулями – я насчитала восемь отверстий – пытались прострелить замок, чтобы ее открыть. Стекло на дверце отсутствовало, пол был усеян осколками.

Видно, кто-то хотел сбросить с поезда труп, сверху донизу дверца была измазана кровью. Я сделала шаг вперед, чтобы осмотреть тело. Под моей ногой что-то хрустнуло. Очки Нубина. Я перевернула его на спину.

Ясно, что он был застрелен человеком неумелым – на теле было несколько огнестрельных ранений, далеко друг от друга – стрелял не профессионал. Возникал очевидный вопрос – кто это сделал?

Кровь местами засохла, значит, убийство совершено почти сразу после того, как я его видела в последний раз. Председатель Киевского союза художников Григорий Львович Никуленко? Может быть, хотя маловероятно. Даже если на самом деле он не председатель вовсе, а бандюга, то и тогда не сходится: он же последний человек, кого видели с Нубиным. Зачем ему совершать преступление, заранее становясь главным подозреваемым? Не знаю, но мне кажется, что это сделал не Никуленко.

Я вышла из тамбура. Эх, Нубин Михаил Георгиевич, так и не выяснила я, на чьей ты стороне. Ну что ж, поезд приходит к месту назначения послезавтра, вернее, уже завтра утром, так что время у меня есть. Более того, у меня есть план.

Я зашла в туалет, смыла с кроссовок кровь и пошла будить проводника.

Глава 2

Милиция подняла на ноги оба вагона. Допросив каждого, они ушли дальше к голове поезда продолжать расследование.

Со мной разговаривали отдельно. У меня не было желания сдавать Никуленко. Он, наверное, прекрасно понимал, что благодаря мне мигом может стать подозреваемым номер один и будет взят под стражу.

Нужно поговорить с председателем, и я заставлю его помочь мне. Когда я постучала к нему в купе, было половина четвертого утра. Он не спал, как и следовало ожидать. Открыл мне почти сразу же. Я молча прошла и села к столику. Никуленко сел напротив меня, опустив голову. Прошла минута. Я кашлянула. Никуленко не шелохнулся. Я принялась барабанить ногтями по поверхности столика. Ноль внимания.

– Григорий Львович, – подала наконец я голос.

Он выпрямился и посмотрел на меня. Лицо его было бледным, глаза, и так тусклые, как я успела заметить в нашу первую и единственную встречу, сейчас казались совсем безжизненными. Будто нарисованными серым карандашом. От его сановности не осталось и следа. Теперь это был смертельно уставший пожилой человек.

– Я не убивал, – сказал он неуверенно и испуганно, как будто уже сидел перед следователем.

– Я знаю, – сказала я.

Надо ему хоть немного поднять настроение, а то того и гляди загнется. И вправду, он несколько оживился. Настолько, что даже немного порозовел лицом. Потом начал рассказывать. Говорил он быстро, скороговоркой. Не давая мне вставить ни слова.

– Мы только выкурили с ним по сигарете, он... Миша его звали? Да? Миша... задал мне еще пару вопросов. О чем? О... конференции, по-моему, по поводу моего предстоящего доклада. Такой доклад... Он больше, конечно, отчет...

– Сколько времени вы стояли с ним? – спросила я.

Думаю, если бы я его не стала прерывать, он бы так весь остаток ночи и проговорил.

– Две... три... минут пять, не больше. Мне тогда очень спать хотелось, я устал. А человек я уже пожилой, пятьдесят шесть лет мне. Давление у меня от этой поездки повысилось...

– Куда Нубин пошел после этого?

– Кто? А... Простите, просто я не знал его фамилии. Он мне представился в начале разговора, но я забыл. Он? Он никуда не пошел. Он закурил еще сигарету и стал что-то писать в блокнотик. Это я ушел. Я устал... давление у меня...

Тут в голову мне пришла одна мысль.

– А скажите мне, Григорий Львович, – сказала я, придвинувшись к нему, – вот вы, сколько лет вы уже занимаете пост председателя Союза художников?

– Десять лет.

Он испугался так, как будто я спросила, к примеру, зачем он убил Нубина. Сразу прекратил свою скороговорку и принялся хрустеть суставами пальцев.

– За все десять лет вам, наверное, немало приходилось общаться со всякими журналистами?

Никуленко закивал головой. Теперь он молчал и, не отрываясь, смотрел мне в глаза.

– Разговаривая с Нубиным, – продолжала я, – вы не заметили что-нибудь необычное в его поведении? В смысле, он вел себя как типичный журналист или?..

– Н-нет, – протянул он, – кажется, нет.

– Так, – сказала я и сделала вид, будто глубоко задумалась.

Честно говоря, я просто не знала, о чем еще его спрашивать. Григорий Львович не сводил с меня раболепного взгляда. У меня даже появилась мысль: а что, если предложить ему на карачках пробежать по коридору вагона туда-обратно, туда-обратно раз пять, или еще чего... Согласится ведь. Голову даю на отсечение – согласится. Впрочем, ладно, ерунда это все, и я устала, и он человек пожилой. Давление опять же.

– Григорий Львович, – сказала я тоном завязтого заговорщика, – я ничего не стала говорить милиции о том, что видела вас с Нубиным за несколько минут до убийства. – Никуленко весь обратился в слух. – Вы понимаете, что если я им это скажу, то вы автоматически становитесь главным подозреваемым. А если менты никого сегодня не задержат, то – почти виновным. – Никуленко сидел не шелохнувшись, даже, по-моему, не мигая. – Меня интересует один вопрос, – начала я. – Не знаете ли вы, кто-нибудь из вашей организации был замечен в употреблении наркотиков, в молодости ли, в настоящее время?

Никуленко снова затараторил, как в начале нашего с ним разговора:

– В молодости, знаете, всякое хочется попробовать. А тут еще художники, понимаете, богема, среда обитания... так сказать.. способствует. Пробовали, наверное, многие. Некоторые лечились. А вообще у нас больше водкой балуются. Я-то сам не пью, а...

– Скажите, Григорий Львович, – прервала я его, – сейчас в поезде такие товарищи есть?

– Да все два вагона. Если...

– Что?!

– Вы про наркоманов?.. А... Тогда, наверное, сейчас подумаю... – он замялся, замычал: – Никого. Нет, никого не припомню.

Мне показалось, что он лукавит.

– Подумайте, Григорий Львович, хорошенько, – я строго посмотрела на него, – вспомните.

Он снова засуетился, потом виновато и тоскливо посмотрел на меня:

– Нет, никого не помню. Хотя... есть тут народ. У нас в четвертом и восьмом купе, в другом вагоне – в пятом, кажется. Но я не уверен до конца.

Ну да черт с ним. И это уже неплохо. Он, по-моему, так напуган, что еще неделю отходить будет, а уж сейчас точно от него ничего больше путного не добьешься.

Я посмотрела на часы: начало пятого, утро скоро, а мне предстоит еще одно важное дело. Господи, спать-то как хочется. Надо будет с Благушиным поговорить – пусть платит, как за две смены, ночью же работаю. Шучу, конечно.

– Ну, Григорий Львович, – я встала из-за стола, – не буду больше вас задерживать.

Он вскочил, схватил мою руку, стал мелко ее трясти:

– Спасибо вам, спасибо...

– Я думаю, нам придется поговорить еще раз, – сказала я, чтобы он прекратил этот поток словоизлияний.

У меня получилось – Никуленко осекся и опустил голову.

– До свидания, – сказала я и вышла.

Я закрыла за собой дверь и достала из кармана джинсов наручные часы. Электронные, стильные такие, с множеством кнопочек, с широким табло – то, что надо. Часы эти я позаимствовала у Никуленко. Нет, kleptomанией я не страдаю, у меня свои такие же, просто для осуществления моего плана мне понадобятся еще одни.

Я зашла к себе в купе. Там сидел Дима, по его словам, оставшийся, чтобы меня успокоить. Пришлось уверить его, что со мной все в порядке, и прогнать вон – времени было уже много. Я закрыла за ним дверь, достала из рюкзака моток изоляционной ленты (незаменимая, кстати сказать, в дороге вещь!) и начала наскоро обматывать ею никуленковские часы, превращая их в бесформенный комок. Открытым я оставила лишь табло, предварительно выставив на них

обратный отсчет. Точно так же я поступила и с собственными часами. Хоть и жалко, но что поделаешь. Искусство, как говорится, требует жертв.

Я накинула на себя джинсовую куртку и вышла в коридор, спрятав часы в карманах, предварительно выгрузив оттуда все лишнее: сигареты, зажигалку, прочую мелочь. Из кармана выпала какая-то красная книжечка. Что такое? Ага, вспомнила – это купленное в магазине приколов удостоверение ФСБ. Фальшивое, конечно. Но если его показывать с соответствующим выражением лица, обычно прокатывает. Тоже нужная вещь. Пригодится. Я сунула ксиву в задний карман джинсов и вышла в коридор. Никого. Впрочем, неудивительно, сейчас около пяти часов утра. Я прошла в туалет и все той же изоляционной лентой закрепила часы Григория Львовича прямо напротив унитаза. Затем прошла в следующий вагон и повторила ту же операцию со своими часами. Порядок. Теперь нужно немедленно возвращаться к себе в купе и сразу лечь спать. Так я и поступила.

Правда, минут пять спустя вернулся неугомонный Дима с предложением составить мне компанию и был изгнан вторично: я сослалась на ужасную усталость, что, кстати, не было неправдой. После его ухода я легла, стараясь побыстрее уснуть. Что-то мне подсказывало, что меня очень скоро разбудят.

Разбудили меня примерно через полчаса после того, как я легла спать. Кто-то барабанил в дверь. Спросонья я решила, что это снова мой неугомонный любовник.

– Дима, пошел вон! – крикнула я, не открывая глаз.

В ответ грубый, явно не Димин голос послал меня гораздо дальше и снова потребовал, чтобы я открыла дверь. «Какое хамство, – подумала я, – ходят тут алкаши всякие, двери ломают, не вагон для участников конференции, а черт знает что...»

«Таможня... Досмотр...» – вдруг долетело до меня сквозь крики.

О боже мой!

Я встала и открыла дверь.

Совсем у меня вылетело из головы, что в поездах, пересекающих государственные границы, имеет место такое явление, как таможенный досмотр.

За дверью стояли трое бравых ребят с автоматами. Автоматы, кстати, были нацелены на меня. Я уж и не знала, что сказать.

Таможенники, убедившись, что в купе не вооруженная до зубов банда, а всего лишь женщина, убрали стволы и, отодвинув меня в сторону, прошли внутрь.

– Документы! – закричали все трое сразу.

«У-у-у», – загудело у меня в голове.

Я попыталась залезть в карманы, но обнаружила, что джинсов на мне нет. Только трусики. Интересно.

Впрочем, интересно было не только мне. Служивые не сводили глаз с моих ног. Ну вот, не застрелят, так изнасилуют.

Я наконец нашла свои джинсы. На своей постели, в ногах, под одеялом. Достала журналистское удостоверение. Таможенники мельком глянули на него и снова перевели взгляд на мои ноги. Я догадалась залезть на полку и прикрыться одеялом.

– Где ваши вещи? – грозно спросил один из них. У него была такая маленькая голова и такие мелкие черты лица, что голова казалась не жизненно важной частью тела, а ненужным придатком.

Я стащила свой рюкзак с верхней полки, открыла его:

– Пожалуйста.

– И все?! – таможенники были искренне удивлены.

– Все свое ношу с собой, – ответила я.

Они еще покрутились по купе, проверили места для вещей под нижними полками, недоверчиво посмотрели на меня и вышли.

Я натянула джинсы, взяла сигареты, зажигалку и пошла в тамбур. Курить не хотелось – меня мутило от выпитого, – но пришлось караулить: вдруг им приспичит проверить еще и туалет? Этого мне совершенно не нужно было. Если бы они попытались туда зайти, я бы сделала вид, будто мне жутко плохо (что в принципе было недалеко от истины), и, сыграв на их человеческих чувствах, попросила бы пустить меня первой.

Я выкурила три сигареты, пока они дошли до туалета в нашем вагоне. Напрасно выкурила. Во-первых, меня замутило еще больше, во-вторых, туалет они проверять не стали. Прошли мимо, бросая на меня взгляды. Тоже мне мужчины... Камуфляж, набитый мускулатурой, – и все.

Я затушила последний окурок и пошла досыпать.

Казалось, только я приклонила на подушку голову, сразу забарабанили в дверь. Сна моментально как не бывало. Я вскочила с койки и выбежала в коридор. Здорово! Все идет по плану. Поезд стоял. По вагону с вытаращенными глазами носились похмельные участники конференции. Откуда-то сбоку на меня налетел Дима.

– Таня! Таня! Как хорошо, что я тебя нашел! – радостно закричал он, тряся лохмами растрепанных волос.

– А что случилось? – спросила я, имитируя крайнее изумление от всего происходящего.

– Кто-то подложил бомбы в два наших вагона! Пойдем, нужно немедленно выходить!

– По-оки-инуть вагон, – раздался у меня над ухом зычный голос. В коридоре был совершенный хаос. Честно говоря, я даже не рассчитывала на такую реакцию, когда подкладывала свои «бомбы».

Черт возьми, как мне теперь оторваться от своего навязчивого любовника и осуществить вторую часть плана – быстро обшарить купе, где ехали товарищи, на которых указал мне Никуленко?

– Дима, – я перешла на зловещий шепот, – мне нужно с тобой поговорить.

– Слушаю, – он несколько посерьезнел. Очевидно, подумал, что я скажу ему, что теперь его долг – жениться на мне.

Мы вернулись обратно в купе. Я прикрыла дверь и молча показала красную корочку фальшивого удостоверения. Эффект был поразительный. Дима открыл рот и посмотрел на меня, как на внезапно воскресшего ископаемого ящера.

– И как вас теперь прикажете называть? – он неожиданно перешел на «вы». – Товарищ капитан?

– Товарищ майор, – я едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Топот и крики за дверью стихли. Скорее всего в вагоне уже никого не было, нужно спешить.

– Дима, слушайте меня внимательно, – не знаю почему, но я тоже перешла на «вы», – выходите вместе со всеми, на расспросы обо мне отвечайте, что в поезде меня нет, я ушла, скажем, интервьюировать работников железной дороги. Естественно, о том, кто я на самом деле, ни один человек не должен знать. Поняли?

– Да, я...

Тут послышались вопли проводника, вопрошающего: все ли покинули вагон, загромыхали двери – он заглядывал в каждое купе.

– Идите, – шепнула я Диме.

Он кивнул и выбежал. Я забралась на полку для чемоданов и затихла. Открылась дверь, в купе заглянул проводник. Как я и думала, на третью полку посмотреть он не удосужился. Дверь захлопнулась, и наступила непривычная для поезда тишина. Я спрыгнула с полки и, осторожно приотворив дверь, выглянула в коридор.

Вроде вагон пустой. Нужно было спешить, саперы скоро должны подойти. Я надеялась, что менты без них побоятся сунуться. Итак, два купе в нашем вагоне, одно – в следующем.

Четвертое и восьмое. Я толкнула дверь в четвертое. Странно, что проводник не запер все купе. Тоже, наверное, обкакался, спешил; он и осматривал-то их... заглянул, и все. Да если бы и закрыл: такие стандартные замки открываются на раз-два.

Четвертое купе я обыскала по всем правилам, даже взрезала клеенчатое покрытие вагонных коек, в восьмом пришлось действовать быстрее, ни с какими покрытиями возиться не стала. Все, иду в другой вагон. Вообще-то «иду» – слишком громко сказано; я передвигалась чуть ли не ползком, чтобы меня не заметили из окон. И, по-моему, зря беспокоилась, художники сразу же разбрелись кто куда – мне повезло, что «бомбы» заметили, когда мы подъезжали к станции: поезд пустили на запасный путь.

Я перебралась в следующий вагон. Пятое купе. Дверь здесь тоже оказалась незапертой. Я открыла первый попавшийся чемодан и стала копаться в вещах. Потом сняла с полки второй, третий...

Я закончила примерно минут через десять. Результаты неутешительны – полный ноль, черт возьми.

А вот интересно, почему до сих пор не слышно саперов? Я перебралась обратно в свой вагон и осторожно выглянула из окна на улицу. Никого, кроме Димы, который, вероятно, вообще разбил, что я оставила его прикрывать тылы. Тоже мне контрразведчик... Ну, раз пока все тихо, сделаем еще одно дело – и я вошла в купе председателя Киевского союза художников Григория Львовича Никуленко.

Сомневалась я: разумнее было бы, конечно, предположить, что не он убил Нубина, но улики говорили против него, да и вообще я чувствовала, что он чего-то недоговаривает, где-то привирает. Если убийца все-таки Никуленко, то должны остаться какие-то доказательства: одежда с пятнами крови, оружие, хотя пистолет он скорее всего выбросил.

Минуты через три были обысканы его одежда и чемодан. Под нижними полками я обнаружила ящики с трехлитровыми банками, полными варенья. Вишневым, если я не ошибаюсь. Такая же банка, непотная, даже не открытая, стояла на столике. И все. Я прикинула, что ехать нам осталось совсем немного – прибытие завтра утром. Ну, задержимся на пару-тройку часов из-за моего «терроризма». Времени мало, план мой никаких результатов не дал, а другого у меня нет. В коридоре слышались голоса:

– Шутники, мать их...

– Расстреливать надо таких шутников. Придумают же – часы изолентой обмотали и в сортире повесили. Зря только отделение подняли.

– Не иначе как спьяну.

– Спьяну... Вот именно, знаем мы этих художников. Творческая, блин, интеллигенция...

Саперы! Вовремя, ребята. Я собралась проделать привычный уже путь на третью полку. Поставила ногу на столик. Оттолкнулась. Черт! Трехлитровая банка летит на пол. Я пытаюсь как-то предотвратить ее падение, нога моя подворачивается, и я с грохотом обрушиваюсь на столик.

Саперы, видимо, подумали, что все-таки сработала какая-то бомба, поскольку в купе вошли не сразу, а примерно спустя минуту. К этому времени я уже сидела на койке. Болела рука и поясница. Прощупав ушибленные места, я пришла к выводу, что хоть и обошлось без переломов, но синяки останутся – будь здоров.

Саперов оказалось двое. Здоровенные мужики в военной форме, да один к тому же с бородой.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, когда они вошли.

– Здравствуйте, – ошалело ответили они.

– А я с верхней полки упала, – пожаловалась я им.

Тут до них стало доходить, что ситуация, мягко говоря, несколько абсурдна.

– А вы, собственно, что тут делаете? – строго спросил бородач.

Я показала им свое журналистское удостоверение.

– Пишу статью о Киевском союзе художников. Сопровождаю их в поездке. А тут случай – террористический акт. Не могла же я просто уйти, мы, журналисты, такими происшествиями дорожим, – быстро проговорила я, – а вы случайно не выяснили, чьих это рук дело?

– Да чьих, чьих... Сами себе, наверное, и подложили, – ответил мне тот, что без бороды, – бухали, поди, вчера, попугать решили друг дружку, да и забыли наутро. Они ж ведь додумаются...

Помолчали.

– Микеланджелы! – со злобой вдруг сказал бородач. – Паганини хреновы!

Его коллега встрепенулся:

– Пойдем мы... Удачного вам репортажа, – сказал он.

– До свидания, – попрощался и бородач.

– Счастливо, – сказала я.

Да, счастливо еще отделалась. Могли бы и в милицию повести, а там уж, наверное, и журналистская ксива не поможет. Повесят на меня убийство Нубина, и доказывая, что не верблюд. Доказать-то докажу, но времени сколько потеряю!

Тут я посмотрела себе под ноги и обомлела: среди осколков банки и растекшегося по полу варенья поблескивали небольшие шарообразные контейнеры. Они выглядели совсем как куриные яйца. Я подняла один из них, повертела в руках – он состоял из двух половинок, скрепленных какой-то лентой, похожей на скотч, но гораздо прочнее. Я положила его на стол, взяла нож и с силой нажала на «яйцо» как раз между этими двумя половинками. Контейнер хрустнул и разломился. По столу рассыпался белый порошок. Я попробовала его на язык, так и есть – героин.

В коридоре послышался топот, смех и развеселые голоса – художников стали запускать обратно в вагоны. Ну, что же, Григорий Львович, подожду вас здесь. Я осторожно, чтобы не перепачкаться в варенье, пересела поближе к двери: вдруг товарищ Никуленко обладает способностью моментально оценивать ситуацию – как дунет отсюда, ищи его потом по всему поезду.

Заскрипела, отодвигаясь, дверь. Я затаила дыхание – не спугнуть бы. Вошел Никуленко. Я зря беспокоилась, он шел, опустив голову, сложив руки за спиной, как обычно ходят люди в тяжелом раздумье. Он даже не прикрыл за собой дверь. Григорий Львович не увидел меня, он и разбитую банку заметил, только когда под его ногами захрустели осколки. Он замычал и присел на корточки.

Я толкнула дверь ногой, она с грохотом захлопнулась. Никуленко вскрикнул, вскочил, увидев меня, со стоном опустился на койку. Конечно, можно было просто уйти, чтобы он меня в своем купе не видел, убрав предварительно безобразие, которое натворила; банку можно было заменить любой другой из ящиков, их там было довольно много. А потом на перроне Тарасовского вокзала тихонько указать на него, как говорил мне Благушин. Но Никуленко не выглядел опасным, к тому же мне хотелось выяснить: зачем ему, председателю Союза художников, перевозить героин, да еще в таких количествах? И врал ведь мне, подлец!

– Что же вы, Григорий Львович, – я подошла к столику и указала на разломленный контейнер с наркотиком, – обманули меня?

Никуленко молчал, закрыв руками лицо.

– Вы же уважаемый человек, председатель Союза художников...

Он вдруг поднял голову и посмотрел на меня.

– Вы можете думать что хотите, но я здесь совершенно не виноват.

Я несколько опешила. Поймала, так сказать, человека с поличным, а он пытается меня уверить, что его вины здесь нет! Здорово.

– Сейчас я все расскажу, – Никуленко снова затараторил, как при первом нашем разговоре. – Я действительно не знал, что в варенье наркотики, клянусь вам, я даже не знаю, как они называются...

– Героин, – подсказала я.

– У мужа моей сестры есть в Тарасове какой-то родственник. Живет он плохо, я сам бывал у него в квартире – перекаати-поле, – пустые бутылки вместо мебели. А у Натальи, у сестры моей, дача под Киевом... сад большой... вишни там много. Они-то, Наталья с мужем, сами не ахти как живут, а вот вареньем родственничку тому помогают...

Я слушала его с каким-то странным чувством. Не похоже было, что он врет, хотя точно так же он разговаривал со мной и в прошлый раз. Он и тогда говорил правду?

– Ну откуда мне было знать, что в варенье наркотики? Я же только отдавал банки Валентину, он встречал меня на Тарасовском вокзале. И все. Мне даже денег за это не платили, я так, по-родственному...

– Допустим, Григорий Львович, я вам поверила, – задумчиво сказала я. Он сразу замолчал. – А в прошлый раз, когда мы с вами разговаривали, вы меня обманывали?

– Да что вы, что вы, нет! – он замахал на меня руками. – Я сказал вам все, что знал, ничего не скрыл. Я сам понимаю, в какую передрыгу попал. Как... как мне теперь... не знаю... помогите...

Я с изумлением увидела, что он плачет. Честно говоря, я растерялась. Рыдающие женщины еще куда ни шло, но мужики, да еще председатели всяческих союзов, участники различных конференций... Это слишком. Я просто молча подождала, пока он успокоится.

Мне вдруг жутко захотелось курить – я вспомнила, что с того момента, как я проснулась, времени на сигареты у меня не было. Как, кстати, и на умывание, чистку зубов и прочий утренний туалет. Никуленко постепенно затихал. Дождавшись окончания его истерики, я изложила ему свои соображения по поводу дальнейшего хода действий:

– Григорий Львович, я постараюсь вам помочь, если вы поможете мне.

– Я слушаю вас, – проговорил он, не поднимая головы.

– Я надеюсь, вы понимаете, что совершали уголовно наказуемые действия – контрабанда наркотиков. Задержаны на месте преступления...

– Простите, – вдруг спросил он, выпрямившись, – кем задержан?

Вот новости. Он что, еще собирается права качать?

«Частным детективом», – чуть не сказала я, но вовремя осеклась. Несolidно как-то звучит в данной ситуации.

Я одарила председателя снисходительно-пренебрежительным взглядом и достала из заднего кармана джинсов все то же липовое эфэсбэшное удостоверение. Никуленко снова опустил лицо в ладони.

«Получил?» – злорадно подумала я.

– И это еще не считая убийства Нубина. И посему, Григорий Львович, такое у меня к вам предложение.

Он вздохнул и откинулся назад. Слушал.

– Вы дадите мне адрес того самого родственника, – продолжала я, – полное его имя. Это на всякий случай. В остальном все пойдет как обычно – до определенного момента, конечно, – когда мы прибудем в Тарасов, вы встретитесь с ним, передадите ему ящики. Дальше о вас позаботятся.

– Не сомневаюсь, – снова вздохнул Никуленко. – Хорошо, я сделаю, как вы сказали, но обещайте, что поможете мне... Показания или еще что... Я в этом деле мало понимаю...

Я пообещала.

– Да, кстати, Григорий Львович, – вдруг вспомнила я, – у вас, я слышала, телефон есть. Не одолжите на пять минут?

– Сломался телефон, – угрюмо сказал Никуленко.

Он смотрел в стену. Председатель Киевского союза художников, видимо, наконец взял себя в руки, он больше не впадал в истерики, не тараторил, как испуганная баба, и собачьими глазами на меня не смотрел. Ну, так-то лучше.

– Значит, договорились, Григорий Львович?

– Договорились. Валентин Евсеевич его зовут, фамилия Чумак. Точного адреса не помню, я всего раз там был, но показать, наверное, смогу. Это в Ленинском районе, там еще ресторан есть, «Океан» называется; по-моему, пятиэтажка напротив.

– Понятно, – сказала я. Ленинский район я знала, в случае чего, человека там найти не так уж сложно. – Ну, я пойду. И примите к сведению, Григорий Львович, за вами буду следить не только я, но и еще несколько наших сотрудников, завербованных, кстати сказать, среди ваших подопечных.

Никуленко молчал.

Я попрощалась и вышла. Про «наших сотрудников» я сказала, чтобы ему и вправду в голову не пришла идея бежать на первой попавшейся станции. К тому же мысль попросить Диму помочь не казалась мне сейчас глупой, похоже, милицмейская романтика его привлекала.

Когда я подходила к своему купе, я вдруг подумала: зачем Никуленко понадобилось доставать из ящика банку? Хотел уколиться или чайку попить? Вообще-то я не нашла у него ни шприцев, ни воды для инъекций – обычных атрибутов наркомана. Ничего не понятно. Боже, какой странный человек Никуленко!

В купе у меня опять сидел Дима. Когда я вошла, он встал почти по стойке смирно. Я устало опустилась на койку.

– Таня, где ты была?

Ну, слава богу, перешел на «ты».

– Выполняла спецзадание, где же еще.

– Слушай, – он присел рядом со мной, – ты нашла тех, кто подложил бомбы? Кто это? Что, так секретно, да?

Нет, ей-богу, смешно, взрослый, можно сказать, уже пожилой человек, а ведет себя, как ребенок.

– Пойдем, Дим, покурим. Курить хочется, сил нет, – с трудом выговорила я, – а потом в вагон-ресторан сгоняем, надеюсь, они кофе там варят...

В тамбуре, всласть наглотавшись табачного дыма, я рассказала Диме наконец, что вовсе я не из ФСБ, а сама по себе, частный детектив, что бомбы подложила именно я, и никто другой, что председатель Киевского союза художников Григорий Львович Никуленко... ну и, в общем, выложила все как есть. Выложила, наверное, потому, что нужно было разобраться в своих мыслях и догадках, разложить все по полочкам, еще раз проговорить каждый факт.

Надо сказать, слушатель Дима был благодарный. Внимал мне с открытым ртом, сигарета так и истлела в его пальцах – ни одной затяжки не сделал. Как я и предполагала, он предложил мне руку, сердце и тесное сотрудничество.

– Я нем как могила! Мне еще пятидесяти нет, я сильный! – надрывался он. – Помогать буду тебе, с Никуленко глаз не спущу!

– Ну, про твой возраст и силу мы знаем уже, – сказала я, обнимая его, – проверяли. Только не кричи так громко, а то всех преступников распугаешь. Пойдем лучше кофе выпьем.

Мы прошли в вагон-ресторан, выпили кофе, позавтракали. Дима все искал случая раскрыть в полной мере свой потенциал детектива – он надел темные очки, разговаривал исключительно шепотом, как шпион в американском боевике, то и дело оглядывался.

Выпив кофе, я пришла в прекрасное расположение духа, и мы пошли обратно в купе. Там мы распили бутылочку коньяка, купленную в ресторане предусмотрительным Димой, и мне стало совсем хорошо – задание почти выполнено, деньги, можно сказать, у меня в кармане.

Дима то и дело порывался заглянуть под каким-нибудь предлогом в никуленковское купе, но я его не пустила.

– Я, Димочка, сегодня с верхней полки упала, ножку ушибла себе вот здесь и попку.

Конечно, синяки у меня были немного не там, но ведь это пустяк, правда? Дима изъявил несколько запоздалое желание оказать мне первую помощь и в итоге на ближайшие два часа про Никуленко забыл напрочь.

Я, впрочем, тоже.

Глава 3

В этом путешествии я кое-что поняла: поезд – штука отличная, но если можно было б курить в купе, цены б ему не было. Когда мы с Димой полуодетые выходили курить в тамбур, все без исключения проходящие на нас оглядывались. Мне кажется, все-таки, что больше смотрели на меня, так как, кроме Диминой джинсовой рубашки, ничего на мне не было.

Впрочем, и в сторону Димы взглядов кинута было немало – такую женщину отхватил. Не ваше собачье дело! Выглядит Дима, может быть, и за пятьдесят, но в деле ему не дашь и тридцати – неплохо сохранился. Мы еще раз сходили с ним в ресторан, потом вернулись обратно в купе с бутылкой водки и провалялись в постели до позднего вечера. В конце концов, заслужила я отдых или нет?!

Когда и эта бутылка была допита, Дима вдруг вспомнил о своем намерении сходить к Никуленко, проверить, не сбежал ли он. Я не пустила его, черт знает, что он там нагородит спьяну. Самой показываться тоже не хотелось, я была крепко выпивши, а Никуленко может заметить, что слежка за ним, мягко говоря, ослаблена, и... неисповедимы пути Господни. А мне сейчас больше всего не хотелось бы всяких неприятных неожиданностей – уж больно ладно все складывается.

В конце концов заглянуть к Никуленко мы поручили Анатолию Борисовичу, пусть попросит у него, скажем, консервный нож. Анатолий Борисович вернулся с консервным ножом через несколько минут. Дима предложил по этому поводу выпить шампанского – мы пили шампанское, потом снова водку, потом, по выражению Анатолия Борисовича, «лакировали» все это пивом. В общем, не помню я, во сколько легла спать, помню, что стало мне нехорошо – я прогнала и Диму, и Анатолия Борисовича и, запершись в купе, вырубилась.

Проснулась я довольно рано для своего состояния – в половине седьмого утра. Надо было сходить к проводнику, спросить, во сколько мы прибываем, да и к Никуленко заглянуть не помешает – проведать. Я с трудом оторвала голову от подушки, сделав чудовищное усилие над собой, села. Похмелье было тяжелейшее, голова болела, стук колес поезда просто сводил меня с ума. Я пожалела, что вчера прогнала Диму, сейчас его можно было бы послать и к проводнику, и к Никуленко... и за минеральной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.